

Рассматриваются изменения в понимании архитекторами и обществом роли наследия в советском городе, его значения для формирования городской среды. Архитектура советского периода, как известно, пережила несколько поворотов в своем развитии, определявшихся сменой государственной политики в этой области. Казалось, что градостроительные концепции также менялись кардинальным образом. Однако при внешних различиях глубинные пласты профессионального мышления архитекторов-градостроителей изменялись мало, одни и те же проблемы развития городов, сохранения их исторической застройки возникали вновь и вновь. На рубеже 1960–1970-х годов и затем, в 1980-е, произошли определенные подвижки в осмыслении роли исторической городской среды, но условия градостроительной деятельности в стране практически не менялись, что способствовало воспроизведению сложившихся стереотипов. Последнее десятилетие советской эпохи отличалось парадоксальностью позиций в отношении наследия, во многом неизжитой и в постсоветский период.

Ключевые слова: историко-архитектурное наследие; историческая городская среда; охрана памятников архитектуры; формирование современной городской среды. /

The article examines changes in the architects' and society's understanding of the role of heritage in the Soviet city and its importance for the formation of the urban environment. It is known that the architecture of the Soviet period went through several turns in its development, determined by the change of State policy in this area. It seemed that urban planning concepts were also changing dramatically. However, with external differences, the deep layers of professional thinking of architects and urban planners changed little; the same problems of urban development and the preservation of historical buildings arose again and again. At the turn of the 1960s and the 1970s and then in the 1980s, there were certain advances in understanding the role of the historical city environment, but the conditions of urban planning in the country practically did not change, which contributed to the reproduction of established stereotypes. The last decade of the Soviet era was characterized by a paradoxical attitude towards heritage, which still largely remained in the post-Soviet period.

Keywords: historical and architectural heritage; historical urban environment; protection of architectural monuments; formation of a modern urban environment.

Наследие и советский город 1980-х / Heritage and the Soviet city of the 1980s

текст

Юлия Косенкова

Национальный
исследовательский
Московский
государственный
строительный университет

text

Yulia Kosenkova

National Research Moscow
State University of Civil
Engineering

Сегодня тема архитектурного наследия в современном городе рассматривается в двух основных аспектах, включающих в себя достаточно разные совокупности проблем, научных подходов, проектных и строительных приемов, ожидаемых результатов и т. п. Один аспект – город рассматривается как вместилище памятников архитектуры, так или иначе подлежащих экспертизе, охране, реставрации, приспособлению и т. д. Другой аспект – сам город либо его определенные, относительно сохранившиеся архитектурно-планировочные фрагменты рассматриваются как памятник или «достопримечательное место», и эта ситуация порождает относительно новую и до сих пор еще недостаточно устоявшуюся проблематику. Если в первом случае мы имеем дело с огромным шлейфом культурной работы с архитектурным наследием, в отечественной практике корнями уходящим как минимум в XVIII век [1], то во втором случае это скорее следствие коренных изменений в понимании Новейшего времени, и в особенности второй половины XX – начала XXI века.

Если говорить об отечественной архитектурно-градостроительной практике, а в XX веке это в основном практика советского периода, то, как известно, градостроительные концепции сменяли здесь одна другую с поразительной скоростью, в соответствии с резкими поворотами социальной и культурной политики государства. Одни градостроительные начинания оставались не доведенными до конца, им на смену приходили другие и т. д. В то же время «за годы советской власти сформировались не только очень специфические условия градостроительной деятельности, но и особые, очень специфические типы мышления и деятельности архитекторов-градостроителей» [2], отражающие властную вертикаль принятия решений.

Подобный парадоксальный феномен – наличие неких инвариантных глубинных структурных особенностей градостроительного мышления, или, другими словами, устойчивых состояний проектного сознания, на фоне кардинально различавшихся «этапов» советской архитектуры, когда все сделанное ранее энергично отрицалось и осуждалось, – с нашей точки зрения, сам по себе является одной из фундаментальных характеристик архитектуры этого периода. Таких особенностей автором

статьи было выявлено немало (например, одновременное сосуществование двух или нескольких градостроительных концепций, недостаточно оформленных и отретфлексированных, часто взаимоисключающего характера и др.) [3]. Особенности профессионального мышления, скрытые от поверхностного наблюдения, но обладающие возможностью разнообразными способами реализоваться в практике, каждый раз определяли неповторимое лицо того или иного момента развития советской архитектуры.

Эти структурные особенности не нужно путать с «единицами принципами» советского градостроительства, провозглашавшимися самой советской градостроительной школой (например, ограничение роста города и вынос вредных производств за его пределы и др.). Анализ практики советского градостроительства на разных этапах ее развития показывает, что «принципы» либо не воплощались в жизнь, оставаясь общими декларациями, либо, так или иначе воплощаясь, приводили к неоднозначным результатам, дававшим повод говорить об ошибках, вновь и вновь включать в повестку дня одни и те же вопросы.

Феномен изменчивости – неизменности советского градостроительства на протяжении многих лет не мог не повлиять на отношение к наследию, во многом предопределив современное положение дел в области его охраны. Однако исследований, в которых бы проводился анализ способов работы с наследием в контексте специфики именно советской культуры крайне мало. Можно назвать основное издание, вышедшее в 2004 году под общей редакцией А. С. Щенкова и посвященное анализу теории, методике и практике реставрации архитектурных памятников на разных этапах советской истории [4]. Тема соотношения архитектурно-градостроительного наследия и советского города не являлась центральной для этого фундаментального труда.

Известно, сколь активно уничтожались памятники архитектуры в ходе реконструкции городов начиная со второй половины 1920-х и в 1930-е годы. Иногда это делалось совершенно открыто по идеологическим соображениям, а иногда обосновывалось прагматическими потребностями расширения улиц, налаживания работы транспорта и т. д., хотя расчищенные до пустырей площадки на месте снесенных памятников в дальнейшем

< Рис. 1. Ф. Новиков. Проект главного туристического центра в Самарканде. Вид в сторону Регистана. 1983 (<https://archi.ru/russia/94051/feliks-novikovo>)

использовались далеко не всегда. За этим фактически никто не следил. И. Э. Грабарь, выступая в 1944 году, рассказывал о том, как в ходе многочисленных реорганизаций Наркомпроса, в системе которого находились органы по охране памятников, они были практически ликвидированы и какая после этого началась «повальная сломка» [5, с. 110–112].

Приверженность ценностям исторического наследия, декларировавшаяся в конце 1930-х и в годы войны, на фоне огромных потерь культурного наследия, притормозила, но не отменила этот процесс. Известно, что в связи со строительством московских высотных зданий, которые должны были демонстрировать, в частности, наследование ценностей великой русской культуры, были утрачены многие ценнейшие памятники в самом сердце города. Позиция Главного управления охраны памятников архитектуры Комитета по делам архитектуры при Совете министров СССР при этом не была учтена [6, с. 22–24]. Ликвидация комитета в 1949 году способствовала дальнейшему нарастанию разрушительных тенденций в отношении наследия, несмотря на правильное постановление от 14 октября 1948 года «О мерах улучшения охраны памятников культуры».

В определенном противоречии со специфическими задачами охраны архитектурных памятников находилась общая установка послевоенного градостроительства (отчасти разделяемая и Комитетом по делам архитектуры), что памятники не должны быть музейным объектом, их необходимо включать в совершенно новый градостроительный контекст, что придаст им «другое идейно-художественное звучание». Это касалось и общей планировки: в проектах восстановления городов, разрушенных во время войны, неизменно ставилась задача создания рядом со старым городским центром нового, композиционно доминирующего над старым. Такая позиция на практике нередко приводила к моральной девальвации памятников архитектуры, лишавшихся органичного для них окружения. Этому также способствовало, с одной стороны, утвердившееся еще в 1930-е годы избирательное отношение к памятникам архитектуры, разделение наследия на «прогрессивные» и «упадочные» тенденции,

с другой – формирование новой городской среды, наполненной многочисленными стилизациями и имитациями.

В течение 1960-х годов в общественном и профессиональном сознании постепенно вызревал поворот к историческому городу, к возможностям определения места и значения его образно-планировочных структур в современном городе. Проблема целостности и выразительности художественного образа города, как и в 1940-е годы, в это время становилась все более актуальной, поскольку увеличивающиеся объемы нового индустриального строительства постепенно поглощали то, что традиционно было принято считать городом. Исторический город в это время предстал перед проектным сознанием не как объект уничтожения или тотального преобразования, а как сложное «зрелище города», обладающее своей эстетикой, как источник новых идей в осмыслении проблем современного города.

Однако если раньше, в особенности в период послевоенного восстановления, при проектировании городов проблема сочетания старого и нового обозначалась расхожим тезисом «старое должно быть поставлено на службу новому», то теперь актуализировалась другая задача – равноправное сочетание старого и нового на уровне градостроительных структур, о чем, в частности, писали такие крупные ученые, как А. В. Иконников, С. О. Хан-Магомедов и др.

Главное, что интересовало архитекторов в эти годы в исторической среде, – ее структурная целостность и единство художественного впечатления, возникающие, несмотря на дробность, разновременность и многообразие составляющих ее элементов. Динамика ее построения становилась предметом специальных научных исследований. В то же время профессиональное сознание в 1960-е годы практически не было готово вести диалог с наследием на равных. Архитекторы при работе в историческом центре зачастую просто использовали навыки, приобретенные при строительстве на свободных территориях. В качестве примера можно вспомнить застройку исторического центра «европейской» части Ташкента стандартными микрорайонами после землетрясения 1966 года.

1970-е годы принесли с собой попытки создать некую концепцию отношения к историческому городу. Она строилась на принципе «маскировки» нового строительства, удаления его в глубину квартала. Но метод «скрытой реконструкции» часто создавал тупиковые ситуации, поскольку не был в состоянии полноценно решить проблему обновления исторического центра. Опасение вызвать новые необратимые разрушения исторической среды вызвало к жизни предложения о переносе поисков в срединные зоны городов, где тоже наличествовал сложившийся контекст, но не столь ценный.

Трудно переоценить роль того качественного скачка в профессиональном сознании по отношению к исторической городской среде, который произошел на рубеже 1960–1970-х годов. Однако это совсем не означало, что существенно изменились условия архитектурно-градостроительной деятельности, десятилетиями складывавшиеся в стране, – а следовательно, продолжали свое существование и многие сформировавшиеся стереотипы в проектировании и застройке городов, порождая множество противоречивых и конфликтных ситуаций. В частности, с середины 1950-х руководство страны во главе с Н. С. Хрущёвым развернуло новую антирелигиозную кампанию, которая привела к очередной волне сносов архитектурных памятников, вызвавшей возмущение общественности [7].

В профессиональном сознании 1980-х годов вновь произошла определенная подвижка, обращение к традиционным ценностям жилой среды, утраченной в ходе «индустриального» развития советских городов. Об этом свидетельствует, в частности, и значительно изменившийся характер архитектурно-градостроительной прогностики. Еще не так давно город будущего представлялся фантастическим мегаполисом, напичканным различными техническими чудесами. К концу 1980-х годов эти представления потеряли свою привлекательность. Стало понятно, что городской пейзаж 2000 года останется

примерно таким же. Более того, современный крупный город и есть модель того антиутопичного и крайне нежелательного будущего, которое наступит, если именно сейчас не задать правильный вектор движения к гуманной городской среде.

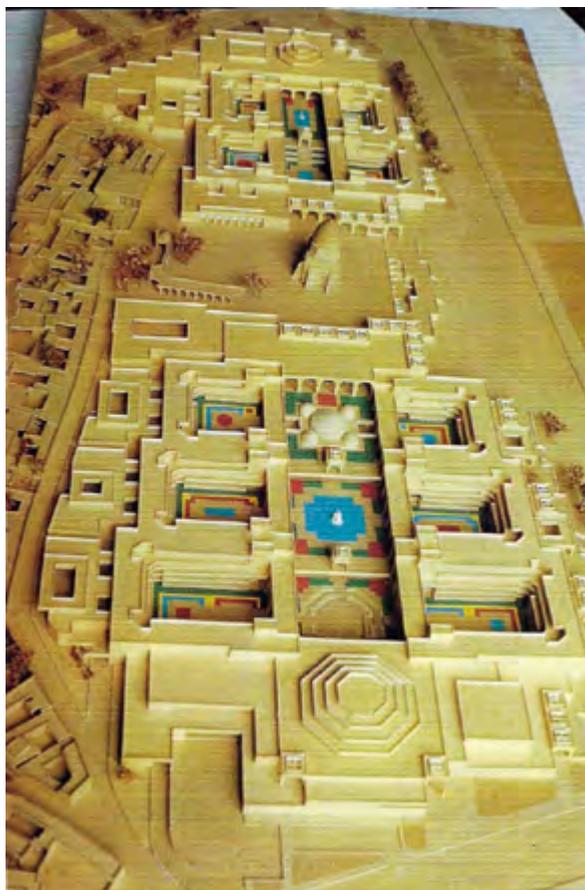
Как писал тогда А. Г. Раппапорт, «сегодня все эти пространственные структуры, движущиеся и всяческие конструкции так же наскучили профессиональному сознанию, как жителю – бесконечные «коробки» новых районов, ибо и в них стала совершенно очевидной человеческая нейтральность, или, попросту говоря, пустота» [8, с. 82]. Самонадеянный технизм «города будущего» сменился усталостью от градостроительных «экспериментов» 1970–1980-х годов, которые свелись к попыткам проецирования в будущее несовершенной технологии и несовершенных социальных норм настоящего. Постепенно был свернут, например, крупный эксперимент с жилой средой в Северном Чертанове. Строительство этого района началось после утверждения генплана Москвы 1971 года на основе обстоятельной программы, в разработке которой участвовали специалисты разных профилей, но так и не было завершено. По мере строительства из проекта постепенно исчезали экспериментальные объекты, они заменялись типовыми. Строительство ленинградского экспериментального жилого комплекса в районе Шувалово-Озерки также растянулось на десятилетия. Экспериментальное строительство оказалось носителем проектных идей и технологий, распространенных в середине 1970-х – начале 1980-х годов.

Невозможность созидания будущего как такового отмечалась также участниками дискуссии «Жилая среда: контуры развития», прошедшей в октябре 1986 года [9]. Не все новое, изобретаемое сегодня, говорилось на этой дискуссии, на самом деле перспективно. В разговорах о перспективном проектировании главным должен быть социологический аспект этого вопроса, нужно понимать, на кого такое проектирование рассчитано. Город будущего, отмечали участники, в принципе не может быть сделан.

Представления о том, что основой прогресса является увеличение количества и качества технических и материальных достижений, сменились в это время осознанием высокой ценности того, что досталось в наследство. Отмечалось, что эта ценность становится не менее значительной, чем обильные блага грядущего. Многие утраченные элементы культуры, в том числе архитектуры, виделись в будущем более желательными, чем быстро стареющие технические новшества [10].

Концепция «ретроразвития», сформулированная Б. К. Ерёминим [11], отразила сущность происшедшей в профессиональном сознании смены ценностных приоритетов: будущее как бы поменялось местами с прошлым. Соответственно, по крайней мере в теории, и методы формирования городской среды: они виделись по преимуществу реконструктивными.

На первый взгляд, сходные проблемы осмысления современного города в контексте культурного наследия стояли на первом плане в период Великой Отечественной войны и в послевоенные годы. И все же нельзя не заметить, что это были два качественно разных состояния профессионального сознания. Представляется, что основное различие состояло в отношении к историческому времени. Если до войны все лучшее связывалось с будущим (Дворец советов существовал в будущем, павильоны ВСХВ демонстрировали будущую жизнь), то в 1940-е годы ощущение исторического времени существенным образом изменилось в пользу настоящего, призванного восстановить связь между прошлым и будущим, прерванную войной. Это ощущение несомненной значительности

> Рис. 2. Ф. Новиков. Конкурсный проект отеля «Рухабад» в Самарканде (1-я премия), в центре – мавзолей Рухабад, XIV век. 1988 (<https://archi.ru/russia/94051/feliks-novikov>)

< Рис. 3. Москва. Храм Троицы Живоначальной у Салтыкова моста. Лефортово. Фото 1983 (<https://pastvu.com/p/143329>)

своего времени, в свою очередь, породило такой феномен профессионального сознания, как безоговорочное право проецировать себя как в прошлое, так и в будущее.

В соответствии с идеологическими установками времени наследие тщательно препарировалось, и право на жизнь оставалось за теми его фрагментами, которые признавались выражением «лучших русских градостроительных традиций», подразумевавших принципы и приемы классицистического градостроительства. В восстанавливаемых и реконструированных городах, где не было подобного наследия, следовало по возможности создать эффект его присутствия.

Столь же очевидной была для профессионального сознания послевоенного времени и власть настоящего над будущим, проявлявшаяся в отсутствии всяких сомнений в однозначном развитии сегодняшних идей, заложенных в планировку и строительство городов, в далеком будущем [12]. Сознание значительности происходящего и этической безукоризненности настоящего давало возможность предвосхищать якобы восторженную оценку преобразований городов из будущего [13].

Опыт нереализуемых генеральных планов, приобретенный советской архитектурой в послевоенное время и последующие десятилетия, вплотную подвел профессиональное сознание 1980-х годов к мысли отказаться наконец от многочисленных утопий, в том числе и от веры в то, что новое всегда лучше старого. Традиционная городская среда, складывавшаяся под влиянием многих факторов естественно-исторического характера, стала восприниматься как более духовно содержательная, более эмоционально насыщенная, нежели среда, возникшая в последние десятилетия [14]. После разрушительных «активных реконструкций» старых городов, после их расчисток ради новых «осей» и «эспланад» градостроительная мысль вновь обратилась за помощью к наследию, но на этот раз с «покаянной головой», как бы признавая несостоятельность современных средств формирования города. Но при качественно иной, по сравнению с послевоенным периодом, общей ситуацией отношения с наследием были по-прежнему далеки от гармонии, полны парадоксов.

Как выяснилось, нельзя было особенно полагаться и на проектирование «охраняемых зон» памятников и их комплексов. Множественность методических рекомендаций по охраняемым мероприятиям обнаруживала значительный волонтаризм в определении границ таких зон. Высказывалось мнение, что дальнейшее совершенствование и особенно расширение аппарата регламентирования бесперспективно и даже вредно [15]. Полагаясь на аппарат регламентирования, архитектор как бы снимает с себя долю ответственности, уходя от проблемы совместного существования старого и нового.

В 1980-е – начале 1990-х, с одной стороны, отечественное градостроительство, казалось бы, уходило все дальше от жесткой социокультурной избирательности в отношении наследия, свойственной концепции города 1930–1940-х годов. Искомая полифония городских пространств проявлялась в том числе и в равном принятии различных культурных напластований города. Но одновременно, как и в послевоенный период, в профессиональном сознании происходило стирание границ между современным и традиционным, жонглирование выхваченными из контекста знаковыми формами, что в конечном итоге дискредитировало само наследие. С другой стороны, одна из характерных примет времени – вновь, как в послевоенный период, обострившееся в перестроечные годы политизированное отношение к памятникам, различие «своего» и «чужого», идеологически удобного или неудобного в наследии. На фоне этих споров продолжалось разрушение памятников советского периода, зачастую формально не имевших подобного статуса, приходили в упадок фрагменты жилой среды, созданные советскими архитекторами разных лет [16].

Снос, военные разрушения, вновь целенаправленный снос и искажения архитектурного наследия, имевшие место в городах на протяжении практически всей советской истории, дали о себе знать на рубеже 1980–1990-х годов усилением тенденций к восстановлению утраченного практически с нуля, с затратой больших материальных средств и часто без достаточной иконографической и историко-документальной основы. Это стало одной из наиболее дискуссионных и болезненных тем. Две приметы времени – новый виток идеологизации насле-

> Рис. 4. Москва. Троицкая (Сергиевская) церковь в Конькове.
 Фото 1995
 (<https://pastvu.com/p/6109>)

дия и стирание грани между подлинными памятниками и их современными воссозданиями – свидетельствовали, на наш взгляд, о вновь обострившемся в перестроечной культуре ощущении прервавшейся «связи времен», о разрушении чувства целостности города.

Прервавшееся естественное развитие города в историческом времени, ослабление влияния на вновь застраиваемые территории сложившихся морфотипов городской среды привели к потере пространственной целостности города, к утрате социального смысла различных типов городских пространств [17]. Особенно остро эта проблема переживалась по отношению к новым районам городов, выросших на свободных территориях.

Иерархии смыслов городской среды была посвящена статья А. Э. Гутнова, опубликованная уже после его смерти. В ней был задан один из самых мучительных для этого времени вопрос: как получается, что здания, построенные разными архитекторами и в разные времена, создают ощущение законченного и разнообразного архитектурного целого и, наоборот, целый район, создаваемый в наши дни одновременно и единым авторским коллективом, кажется недостроенным, случайным скоплением домов? Ответ виделся ему в разрыве с общекультурной традицией, в утрате внутренней структуры пространственной организации [18]. В поисках общих пространственных закономерностей городской среды архитекторы обращались к исторической застройке. Привнесение «старого» в «новое» рассматривалось как один из основных практических инструментов «гуманизации» среды районов новой застройки и даже новых городов в целом.

Парадокс, однако, заключался в том, что стремление создать «парафраз» исторической застройки в новых районах подпитывалось исключительно прагматическими интересами архитекторов. Это вызывало настороженность у историков архитектуры и реставраторов архитектурного наследия. Как отмечал тогда А. С. Щенков, в поисках качеств, недостающих новой застройке, некоторые архитекторы находят искомое в городе прошлого века, другие в средневековой застройке, кто-то в отечественной культуре, кто-то во всеобщей истории [19]. В результате в сознании возникает некий полумифический исторический город и эти мифологизированные пред-

ставления переносятся на реальную среду конкретного города.

Оттолкнувшись от вульгаризаторского отношения к наследию в восстанавливаемых и реконструируемых городах послевоенного времени, внедрения в их среду неких обобщенных образов, подчас не имеющих с собственными традициями города ничего общего, советская архитектура к рубежу 1980–1990-х годов вновь пришла со сходными установками.

В заключение хотелось бы привести небольшой отрывок из интервью Ю. П. Волчка, который много писал о наследии, в том числе и о необходимости вводить в систему охраны наследие советского периода. Но в этом интервью, данном журналу «Итоги» полтора десятилетия назад, речь идет об исторических городах. На вопрос журналиста: «Что, по вашему мнению, включает в себя понятие исторический город?» – Юрий Волчок ответил: «Это многослойное, глубокое понятие. Только об этом мало кто задумывается, как мало думают и о том, какую функцию несет город с историей. Нельзя трактовать все исторические города в стране, в большинстве своем, кстати, весьма запущенные и неухоженные, как некие туристические центры. Почему-то все полагают, что возраст населенного пункта – это гарантия, что туда поедут туристы посмотреть «как было». А дальше рассуждают так: сделаем а-ля старина, спроектируем новое под старое, чтобы чистенько и нарядненько. Какой в этом смысл? Когда после войны создали список 18 исторических городов, требующих восстановления, мотивация понятна. То, что так делается сплошь и рядом сейчас, имеет один результат – общество перестает отличать подлинные ценности от новодела» [20, с. 350].

Эта проблема и сейчас стоит не менее остро. Адекватное осмысление сегодняшней ситуации с наследием в современном городе никак не может осуществляться по принципу «работы с чистого листа». Необходимо понимание того, что именно делалось в этом направлении хотя бы в нашей стране и хотя бы в XX веке. А это – только часть истории понимания ценностей городской среды, которая по большому счету еще не написана или прописана частично. Здесь нужна и институциональная история советской архитектуры, включая

осмысление работы органов по охране наследия, существовавших в разные периоды советской истории. А это направление – история архитектурно-градостроительных институций – только начинает складываться в последние годы.

Нельзя также обойтись без истории и глубокого анализа развития градостроительного нормирования и законодательства. И здесь есть довольно большие трудности, связанные с необходимостью перевода подчас сугубо технических и административно-управленческих документов в регистр гуманитарного исторического знания, включения этого массива документов в историю отечественной культуры. Но все же остается надеяться, что, несмотря ни на что, такого рода исследования будут продвигаться.

Литература

1. Шаманаев, А. В., Зырянова, С. Ю. Охрана культурного наследия в Российской империи. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 131 с.
2. Меерович, М. Г. Восток и Запад. Две природы урбанизации – два пути принятия решений // Archi.ru. – 2012. – 20 июля. – URL: <https://archi.ru/russia/42648/vostok-i-zapad-dve-prirody-urbanizacii-dva-puti-prinyatiya-reshenii> (дата обращения: 26.07.2023).
3. Косенкова, Ю. Л. Градостроительное мышление советской эпохи: поиск устойчивых структур // Academia: архитектура и строительство. – 2008. – № 2. – С. 12–15.
4. Памятники архитектуры в Советском Союзе: очерки истории архитектуры, реставрации / под общ. ред. А. С. Щенкова. – Москва : Наука, 2004. – 694 с., илл. – (Памятники ист. мысли).
5. Из выступления И. Э. Грабаря на Всесоюзном совещании руководящих работников республиканских управлений по делам архитектуры и главных архитекторов крупнейших городов. 21 декабря 1944 г. // РГАЭ. Ф. 9432. Оп. 1. Д. 16. Л. 110–112.
6. Из докладной записки и. о. начальника Главного управления охраны памятников архитектуры Ш. Е. Ратия председателю Комитета по делам архитектуры при СМ СССР А. Г. Мордвинову о сохранении памятников архитектуры при строительстве высотных зданий. 3 марта 1947 г. // РГАЭ. Ф. 9432. Оп. 1. Д. 89. Л. 22–24.
7. Переслегин, Н. В. История становления и развития органов охраны архитектурного наследия Москвы в контексте их взаимодействия с обществом в советский период (1917–1991) : Дис. ... канд. арх. – Москва, 2015. – Т. 1. – С. 125.
8. Раппапорт, А. Есть ли у архитектуры будущее? // Архитектура СССР. – 1987. – № 3. – С. 82.
9. Жилая среда: контуры развития : материалы дискуссии // Архитектура СССР. – 1987. – № 2. – С. 24–37.
10. Лежава, И., Попов, В. Предвидение будущего // Архитектура СССР. – 1987. – № 3. – С. 13–19.
11. Архитектор Борис Ерёмин. Творческое наследие. Реконструкция центра Москвы: архитектурные концепции и проекты второй половины XX века / авт.-сост. М. В. Нащокина, Б. В. Гандельсман, М. В. Комский. – Москва : Прогресс-Традиция 2016. – 623 с.
12. Комитет по делам архитектуры при СНК СССР. Проект руководства для главных архитекторов городов // РГАЭ. Ф. 9432. Оп. 1. Д. 289.
13. Стенограмма обсуждения проектов центров восстанавливаемых городов (март 1946 г.) // РГАЭ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 186.
14. Забельшанский, Г. Б., Минервин, Г. Б., Раппапорт, А. Г., Сомов, Г. Ю. Архитектура и эмоциональный мир человека. – Москва : Стройиздат, 1985. – 207 с.
15. Еремин, Б. Регламентация или понимание // Архитектура СССР. – 1990. – № 2. – С. 30–37.
16. Проблемы реконструкции первых районов массового индустриального домостроения: обзорная информация / науч. ред. Ю. П. Волчок – Москва : ВНИИ теории архитектуры и градостроительства, 1988. – Вып. 4. – 52 с.
17. Забельшанский, Г. Городской образ жизни, архитектура, культура // Общество, архитектура и научно-технический прогресс : сб. науч. трудов ЦНИИП градостроительства. – Москва, 1987. – С. 19–23.
18. Гутнов, А. Э. Возвращение к дому // Архитектура СССР. – 1987. – № 3. – С. 50–59.
19. Щенков, А. С. Исторический город – миф и предание // Архитектура и строительство Москвы. – 1990. – № 1. – С. 7–9.
20. Волчок, Ю. П. Здесь и везде. Теперь и всегда : в 2 кн. Кн. 2 : История архитектуры новейшего времени. Расширение горизонтов методологии. – Екатеринбург : TATLIN, 2023. – 432 с.

References

- Gutnov, A. E. (1987). *Vozvrashcheniye k domu* [Return to the house]. *Architecture of the USSR*, 3, 50–59.
- Iz dokladnoy zapiski i.o. nachalnika Glavnogo upravleniya okhrany pamyatnikov arkhitektury Sh. Ye. Ratiya predsedatelyu Komiteta po delam arkhitektury pri SM SSSR A. G. Mordvinovu o sokhraneniі pamyatnikov arkhitektury pri stroitelstve vysoytnykh zdaniy [From a report note from the acting head of the Main Department for the Protection of Architectural Monuments Sh. E. Ratiy to the Chairman of the Committee for Architecture under the USSR SM A. G. Mordvinov on the preservation of architectural monuments during the construction of high-rise buildings. (1947, March 3). *RGAE. Fund 9432. Inv. 1. File 89. Ll. 22-24.*
- Iz vystupleniya I. E. Grabarya na Vsesoyuznom soveshchaniі rukovodyashchikh rabotnikov respublikanskikh Upravleniy po delam arkhitektury i glavnykh arkhitektorov krupneyshikh gorodov [From the speech of I. E. Grabar at the All-Union meeting of senior officials of the republican departments for architecture and chief architects of the largest cities]. (1944, December 21). *RGAE. Fund 9432. Inv. 1. File 16. Ll. 110-112.*
- Komitet po delam arkhitektury pri SNK SSSR [Committee for Architecture under the USSR Council of People's Commissars of the USSR]. (n.d.). *Proyekt rukovodstva dlya glavnykh arkhitektorov gorodov* [Draft guidelines for chief architects of cities]. *RGAE. Fund 9432. Inv. 1. File 289.*
- Kosenkova, Yu. L. (2008). *Gradostroitelnoye myshleniye sovetsoy epokhi: poisk ustoychivykh struktur* [Urban planning thinking of the Soviet era: The search for sustainable structures]. *Academia: architecture and construction*, 2, 12–15.
- Lezhava, I., & Popov, V. (1987). *Predvideniye budushchego* [Envisioning the future]. *Architecture of the USSR*, 3, 13–19.
- Meerovich, M. G. (2012, July 20). *Vostok i Zapad. Dve prirody urbanizatsii — dva puti prinyatiya resheniy*. [East and West. Two natures of urbanisation – two ways of decision-making]. Archi.ru. Retrieved July 26, 2023, from <https://archi.ru/russia/42648/vostok-i-zapad-dve-prirody-urbanizacii-dva-puti-prinyatiya-reshenii>
- Nashchokina, M. V., Gandelsman, B. V., & Komskiy, M. V. (2016). *Arkhitektor Boris Yeremin. Tvorcheskoye naslediyе. Rekonstruktsiya tsentra Moskvy: arkhitekturnyye kontseptsii i proyekty vtoroy poloviny XX veka* [Architect Boris Yeremin. Creative heritage. Reconstruction of the centre of Moscow: Architectural concepts and projects of the second half of the XX century]. Moscow: Progress-Traditsiya.
- Pereslegin, N. V. (2015). *Istoriya stanovleniya i razvitiya organov okhrany arkhitekturnogo naslediya Moskvy v kontekste ikh vzaimodeystviya s obshchestvom v sovetskiy period (1917-1991)* [The history of formation and development of the Moscow architectural heritage protection bodies in the context of their interaction with society in the Soviet period (1917-1991)] (Vol. 1, p. 125) [Ph. D. Dissertation]. Moscow.
- Rappaport, A. (1987). *Yest li u arkhitektury budushcheye?* [Does architecture have a future?]. *Architecture of the USSR*, 3, 82.
- Shamanayev, A. V., & Zyryanova, S. Yu. (2018). *Okhrana kulturnogo naslediya v Rossiyskoy imperii* [Protection of cultural heritage in the Russian Empire]. Yekaterinburg: Izd-vo Uralskogo universiteta.
- Shchenkov, A. S. (1990). *Istoricheskiy gorod – mif i predaniye* [Historical city – myth and legend]. *Architecture and Construction of Moscow*, 1, 7–9.
- Shchenkov, A. S. (Ed.). (2004). *Pamyatniki arkhitektury v Sovetskom Soyuze: ocherki istorii arkhitekturnoi restavratsii* [Monuments of architecture in the Soviet Union: Sketches of the history of architectural restoration]. Moscow: Nauka.
- Stenogramma obsuzhdeniya proyektov tsentrov vosstanavlivayemykh gorodov [Transcript of the discussion of the projects for the centres of restored cities]. (1946, March). *RGAE. Fund 674. Inv. 2. File 186.*
- Volchok, Yu. P. (Ed.). (1988). *Problemy rekonstruktsii pervykh rayonov massovogo industrialnogo domostroyeniya: obzornaya informatsiya* [Problems of reconstruction of the first districts of mass industrial house-building: Review information]. *VNII teorii arkhitektury i gradostroitelstva*, 4.
- Volchok, Yu. P. (2023). *Zdes i vezde. Teper i vseгда. V 2 knigakh. Kniga vtoraya. Istoriya arkhitektury noveyshego vremeni. Rasshireniye gorizontov metodologii* [Here and everywhere. Now and Always: in 2 books. Book 2: History of Architecture of Modern Time. Expanding Horizons of Methodology]. Yekaterinburg: TATLIN.
- Yeremin, B. (1990). *Reglamentatsiya ili ponimaniye* [Regulation or understanding]. *Architecture of the USSR*, 2, 30–37.
- Zabelshanskiy, G. (1987). *Gorodskoy obraz zhizni, arkhitektura, kultura* [Urban lifestyle, architecture, cultur]. In *Society, architecture and scientific and technical progress: A collection of scientific papers of the Central Scientific Research Institute of Urban Planning* (pp. 19–23). Moscow.
- Zabelshanskiy, G. B., Minervin, G. B., Rappaport, A. G., & Somov, G. Yu. (1985). *Arkhitektura i emotsionalni mir cheloveka* [Architecture and the emotional world of man]. Moscow: Stroyizdat.
- Zhilaya sreda: kontury razvitiya. Materialy diskussii [Residential environment: Contours of development. Materials of the discussion]. (1987). *Architecture of the USSR*, 2, 24–37.